

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія восьмой.

СЕНТЯБРЬ.

№ 21.

1915.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПЕРЕДЪ ОСЕНЬЮ (стих.).

РОБИНЗОНЫ.

ВЪ НѢКОТОРОМЪ ЦАРСТВѢ (сказка).

ВЪ ЧУЖОЙ СЕМЬѢ (Повѣсть).

ГОЛОВОЛОМКИ.

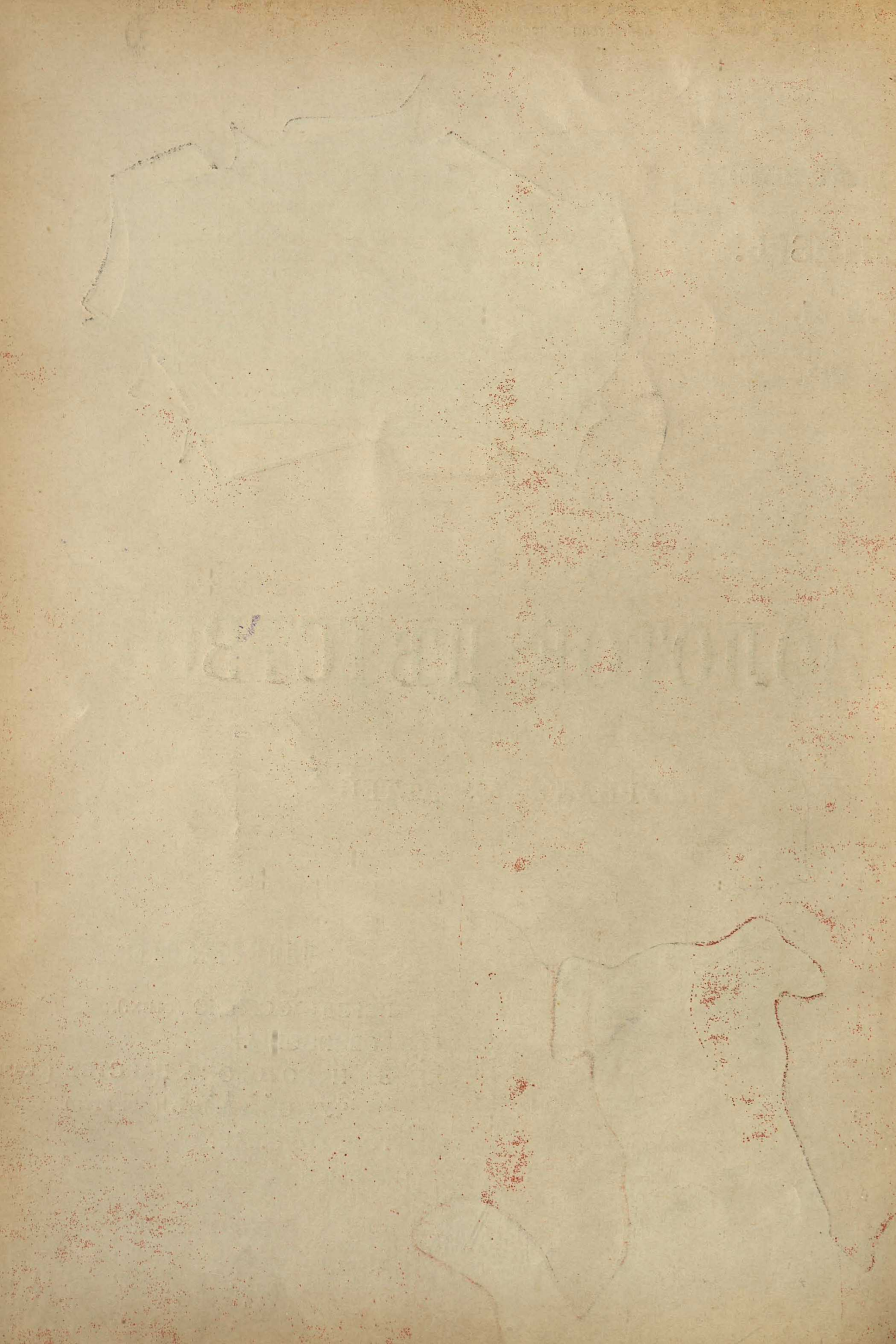
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Кухня (для склеиванія).

Кто тамъ?—картина.

№ 21. Сентябрь, 1915. Годъ изданія VIII-й. Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Мыльные пузыри.

ПЕРЕДЪ ОСЕНЬЮ.

Уже Сентябрь... Прошло ужъ лѣто
И желтый листь шуршитъ въ саду...
Нависли тучи, мало свѣту
И волны ходятъ по пруду.

А было такъ тепло, пріятно,
Такъ было ясно въ небесахъ.
Такъ было всюду ароматно
И восхитительно въ лѣсахъ!

Не оживляютъ голосами
Ужъ птички лѣса и полей,
Лишь слышенъ крикъ подъ небе—
На югъ летящихъ журавлей. [сами

Но дождикъ льетъ, погода хуже,
Бываетъ иней по утрамъ,
Повсюду слякоть, грязь и лужи—
Приходитъ осень, осень къ намъ!!

Кузнечикъ.

РОБИНЗОНЫ.

Каждый изъ дѣтей въ отдѣльности былъ очень хорошимъ и послушнымъ, но всѣ вмѣстѣ они составляли буйную ватагу, подстрекая и подзадоривая другъ друга на всякія невозможныя выходки. Наказать за эти выходки виновныхъ было невозможно, такъ какъ всѣ принимали вину на себя и такъ запутывали дѣло, что ничего нельзя было разобрать. Чтобы ни случилось, всегда оказывалось, что одинъ придумывалъ, другой продѣлывалъ, третій помогалъ и въ концѣ концовъ обѣ мамы махнули на все рукой и рѣшили предоставить дѣтямъ на лѣто полную свободу. Лишь бы только они играли подальше отъ дома и не беспокоили своими криками бабушку, которая лю-

била послѣ завтрака и обѣда отдохнуть.

Это были двѣ матери, у каждой изъ которыхъ было по четверо человѣкъ дѣтей. Одна изъ нихъ была вдова, у другой—мужъ служилъ во Владивостокѣ во флотѣ. Чтобы не было скучно, онѣ обѣ пріѣхали погостить на лѣто къ своей родной матери-генеральшѣ, жившей въ своей усадьбѣ на берегу моря, дѣти обрадовались простору и бабушкиной ласкѣ — и скоро нельзя было ихъ унять. Съ утра и до вечера они бѣгали по саду, или-же, вооружившись лопатками, ведерками и чашками, шли на берегъ и тамъ воздвигали изъ песку цѣлыя крѣпости и рыли каналы. Ихъ было много, такъ что бабушка даже путала ихъ

имена, но простора и ласки хватало на всѣхъ и только обѣ матери каждую минуту безпокоились, что вотъ-вотъ который-нибудь изъ ихъ дѣтей или разобьетъ себѣ носъ, или выкупается въ одеждѣ въ водѣ.

— Намъ-бы пріѣхать сюда каждой врозь, говорили онѣ между собой,—да вотъ такъ не случилось. Все-таки тогда было-бы не такъ многолюдно!

Но дѣти были дружны между собой и очень-бы удивились, если-бы кто-нибудь сказалъ имъ, что ихъ слѣдовало-бы разлучить.

Нельзя просидѣть безвыѣздно цѣлое лѣто въ усадьбѣ—и вотъ однажды обѣ мамы рѣшили прокатиться въ городъ за покупками. Ѣхать приходилось далеко, вернуться можно было только на другой день—и это ужасало обѣ ихъ мамы: на кого оставить такую ораву дѣтей? Няня была превосходная, но, какъ и всѣ няни,—питала слабость къ дѣтямъ и все имъ спускала. Поэтому оставалось только обратиться къ благоразумію самихъ дѣтей.

— Голубчики, миленькіе, стали упрашивать ихъ матери,—ведите себя, какъ слѣдуетъ! Вѣдь нельзя же такъ! Не забудьте безъ насъ Боженькѣ молиться и къ бабушкѣ почаще подходить. Утирайте маленькимъ носы!

— Будь покойна, мамочка, отвѣчали дѣти,—не забудемъ!

— Смотрите за маленькимъ Ми-

шуткой, а то онъ еще клопъ и того и гляди ввалится въ воду!

— Хорошо, мамочка, посмотримъ!

— Слушайтесь няню!..

— Хорошо, будемъ слушаться!

И только что коляска съ мамами отѣхала отъ усадьбы, какъ всѣ эти порученія были тотчасъ же забыты и дѣти шумною толпой побѣжали на берегъ.

— Что-же мы теперь будемъ дѣлать? спросила толстая съ красными, загорѣвшими ногами Маргарита.

— Прежде всего уйдемте подалее на берегъ, посоветовалъ Вася,—а то будемъ шумѣть и безпокоимъ бабушку.

Они взялись за руки и пошли по берегу дальше, къ тому самому мѣсту, гдѣ изъ воды высывалась группа громадныхъ, измытыхъ волнами, позеленѣвшихъ отъ времени камней.

— Что-бы намъ такое придумать? спрашивали они другъ и друга.—Какъ-бы намъ теперь поиграть? Безъ мамы такъ скучно!

— Да, безъ нашихъ мамъ очень скучно! отвѣчали другіе.

И вдругъ между камней они увидали привязанную къ колу чью-то лодку.

— Смотрите! воскликнулъ Вася.—Молчите всѣ! Лодка!

И глаза его засверкали. Всѣ восьмеро подбѣжали къ самой лодкѣ.

— Это Кербалая! сказала Мар-

гарита.—Я видѣла, какъ онъ сегодня на ней плавалъ!

— Да, да, отвѣтили всѣ дѣти хоромъ,—это лодка Кербалая!

Вася взялъ багоръ, валявшійся на берегу, и притянулъ лодку къ себѣ. Вода была такъ прозрачна, что видно было все ея дно и можно было пересчитать каждый камешекъ и каждую раковинку, лежавшіе подъ водой.

— Давайте покатаемся! вдругъ предложилъ Костя.

Дѣвочки переглянулись. Прокатиться въ лодкѣ было такъ затратно, но въ то-же время и страшно. Дѣти никогда не катались въ лодкѣ одни.

— Чего вы боитесь? продолжалъ Костя.—Вѣдь лодка привязана! Мы влѣземъ въ нее и будемъ воображать, что плывемъ!..

Это предложеніе понравилось всѣмъ. Дѣвочки захопали въ ладоши и запрыгали на мѣстѣ, какъ козы. Не прошло и минуты, какъ всѣ дѣти уже сидѣли въ лодкѣ и, мѣрно раскачивая ее съ боку на бокъ, воображали себѣ, что плывутъ по океану. Костя сѣлъ у руля, Вася на носу, остальные размѣстились на скамьяхъ. Мишутка хохоталъ отъ удовольствия во все горло.

Между тѣмъ, только слегка обмотанная вокругъ кола, веревка расплелась и соскользнула въ воду, набѣжавшая волна подхватила лодку и мирно и спокойно вынесла ее съ дѣтьми въ море. И

она понеслась невѣдомо куда, унося на себѣ своихъ юныхъ пассажировъ. Они такъ увлеклись своими разговорами, что даже и не замѣтили этого. Ихъ отнесло уже довольно далеко отъ берега, какъ вдругъ Вася обернулся и въ испугѣ воскликнулъ:

— Насъ унесло! Мы въ открытомъ морѣ!

Дѣвочки тревожно переглянулись. Мишутка приготовился уже плакать. Одинъ только Вася, который никогда не терялъ присутствія духа, хладнокровно замѣтилъ:

— Ну, что-жъ? Прокатимся немножко и вернемся. Не велика бѣда! Я умѣю грести веслами!..

— Да гдѣ весла-то? воскликнула въ испугѣ Нина.—Весла-то гдѣ?

— А вы поднимите ноги, навѣрное они подъ вами.

Всѣ подняли ноги, но на днѣ лодки веселъ не оказалось. Кербалай всегда уносилъ ихъ съ собой домой.

— Нигдѣ нѣтъ... разочарованно сказала Маргарита.

— Вотъ такъ штука! проговорилъ и Вася, начиная терять свое хладнокровіе.—Теперь насъ можетъ унести... Впрочемъ, у насъ есть еще вотъ этотъ багоръ!

Онъ погрузилъ багоръ въ воду, но дна имъ уже не досталъ.

— Что-же мы теперь будемъ дѣлать? спросила Женя, и глаза ея стали такими круглыми и большими отъ страха, какъ у совы.

— Давайте всѣ разомъ кричать! предложила Нина.—Быть можетъ, насъ услышатъ!

— Что ты, что ты? удержалъ ее Костя.—Бабушка услышитъ, испугается и можетъ со страху умереть. Нѣтъ, это нельзя. Лучше навяжемъ на багоръ чей-нибудь платокъ и будемъ имъ махать. Быть можетъ, насъ кто-нибудь замѣтитъ!

Всѣ нашли это предложеніе превосходнымъ и сейчасъ-же его выполнили. Но напрасно Костя размахивалъ этимъ флагомъ. Съ берега, который былъ въ общемъ пустыненъ, никто не отвѣтилъ на ихъ нѣмой призывъ. А лодку между тѣмъ все дальше и дальше уносило въ море. Ваня былъ трусливъ, не выдержалъ и сталъ плакать. Не понимая, въ чемъ дѣло, Мишутка послѣдовалъ его примѣру.

— Не смѣть ревѣть! крикнулъ на нихъ Костя. Я старшій и потому я здѣсь все равно, что капитанъ! Своими слезами вы смущаете нашихъ женщинъ и дѣтей! Нечего отчаиваться! Мнѣ и моему боцману Васѣ нужно все присутствіе духа, чтобы вывести корабль на берегъ, а вы здѣсь распустили слюни. Молчать! Иначе я каждого десятого изъ васъ прикажу выбросить за бортъ!

Мишутка испугался и притихъ. Ваня сталъ втихомолку подсмывать носомъ.

— Воображаю, какъ намъ те-

перь достанется дома!.. замѣтила Женя.

Противъ этого не возразили даже капитанъ и его боцманъ.

Берегъ удалялся все дальше и дальше и расплывался въ синевѣ. Уже нельзя было различить ни дома, ни сада, ни береговыхъ камней. По мѣрѣ того, какъ исчезали всѣ эти знакомые предметы, сердца невольныхъ пассажировъ все сильнѣе сжимались.

— Бѣдная, дорогая наша мамочка!.. вдругъ всхлинула Женя.—Зачѣмъ мы не послушались ее и влѣзли въ эту дурацкую лодку!..

На это замѣчаніе не отвѣтилъ никто. Всѣ сознавали серьезность положенія. Наступило подавленное молчаніе. Закрывшись широкополой шляпой, Женя продолжала тихо плакать, стараясь скрыть свои слезы отъ другихъ дѣтей. Ваня, Нина и Маша послѣдовали ея примѣру. Маленькій Мишутка уже крѣпко спалъ. Костя и Вася вполголоса обмѣнивались своими предположеніями.

Былъ одинъ моментъ, когда имъ показалось, что они видятъ далекій бѣлый парусъ. Онъ, какъ крыло чайки, скользилъ далеко надъ поверхностью моря. Они опять стали размахивать своимъ флагомъ, но и этотъ слабый проблескъ надежды быстро исчезъ. Парусъ скрылся.

Въ эту минуту потянулъ легкій вѣтерокъ, и лодка медленно повернула и, гонимая имъ и тече-

ніемъ, поплыла къ черной, неясной массѣ, выдававшейся вдаль изъ воды. Это былъ небольшой, гранитный островокъ, который облизывали тихія, кончавшіяся бѣлоснѣжными барашками, волны прибоя.

— Намъ надо непременно пристать къ этой скалѣ! скомандоваль Костя.—Солнце уже садится, скоро будетъ ночь и насъ можетъ унести еще дальше. А здѣсь насъ могутъ найти и подобрать рыбаки! Только какъ это сдѣлать?

— А вотъ какъ! отвѣтилъ хладнокровно Вася и поднялся съ своего мѣста.—Дѣвчонки, слѣзьте съ этой скамьи! Скорѣй!

Дѣвочки пересѣли на другую скамью и тѣсно прижались плечами одна къ другой.

Вася отодралъ скамейку отъ лодки и сталъ грести ею, какъ весломъ.

Костя покачалъ головою.

— Дуракъ ты, дуракъ!.. сказалъ онъ со вздохомъ.—Тебѣ-бы догадаться сдѣлать это тогда, когда мы только еще отплывали отъ берега!..

Вася самодовольно посмотрѣлъ на дѣвочекъ.

— Сразу придумать трудно, отвѣтилъ онъ.—Великія изобрѣтенія приходятъ въ голову не сразу!

Онъ удвоилъ старанія и быстро сталъ грести доской. Лодка медленно приближалась къ островку. Затѣмъ Костя размахнулся багромъ, уцѣпился за камень, и она причалила къ берегу.

Для дѣтскаго счастья многого не нужно. Дѣти выскочили на сушу, втащили за собой лодку на песокъ и радость наполнила ихъ сердечки. Теперь ужъ они на твердой землѣ. Всѣ перенесенныя ими испытанія казались имъ оставшимися гдѣ-то далеко позади. Затѣмъ всѣ они двинулись вглубь, чтобы осмотрѣть пріютившій ихъ островокъ. Осмотръ продолжался недолго: островокъ оказался почти голой скалой, а между тѣмъ хотѣлось ѣсть и ѣды негдѣ было взять.

— Кушать хочу!—пицаль проснувшійся Мишутка, цѣпляясь за юбку старшей сестры.—Я хочу булки съ масломъ!

Отъ прогулки по морю аппетитъ разыгрался у всѣхъ. Всѣ присѣли въ кружокъ на корточки и стали совѣщаться.

— Пассажиры и команда! вдругъ крикнулъ Костя.—Осмотрѣть всѣ ваши карманы! Быть можетъ, въ нихъ найдется что-нибудь съѣдобное!

Всѣ честно выворотили свои карманы. У Нины оказался кусочекъ булочки, у Вани—уже высохшая корка черного хлѣба, у Васи—гвоздь и круглый камень, у Жени—пустая катушка отъ нитокъ и конфетка, у Кости, какъ у взрослого—перочинный ножикъ. Булочку, черный хлѣбъ и конфетку отложили къ сторонкѣ на разостланный платочекъ.

— Съѣдимъ тогда, когда проголодаемся еще больше, распоря-

дился Костя.—А теперь устроимъ себѣ постели!

— Изъ чего-же мы ихъ устроимъ? жалобно спросила Маргарита.

— А ты посмотри, сколько здѣсь выкинуто морской травы!

Дѣти позабыли объ ѣдѣ и усердно стали собирать высохшую морскую траву. Устроивъ изъ нея одну большую постель, они стали ѣсть. Подѣливъ между собою самымъ честнымъ образомъ каждую крошку, они должны были сознаться, что вовсе не насытились, а только еще болѣе раззадорили въ себѣ аппетитъ. А тутъ еще, какъ на грѣхъ, мучительно захотѣлось пить. Но гдѣ было взять на голой скалѣ хоть одну каплю прѣсной воды? Три раза дѣти съ грустью обошли свою колонію и, печальныя и разочарованныя, стали укладываться на ночлеги.

— Пить хочу!.. стонала Маргарита.—Мнѣ хочется пить!..

— Молчи ты, толстая! крикнулъ на нее Костя.—Цыцъ! Только смущаешь другихъ! Я прикажу своимъ матросамъ отдать тебя на сѣденіе индѣйцамъ!

Маргарита испугалась и притихла.

Стали укладываться спать. Солнце уже зашло, съ моря потянуло прохладой и въ небѣ зажглись миллионы звѣздъ. Побуянивъ немножко, Мишутка опять крѣпко заснулъ. Дѣвочки только сдѣлали видъ, что спятъ, а сами втихомолку плакали, а старшіе

мальчишки, серьезные и обезпокоенные не на шутку, сидѣли на корточкахъ и стерегли покой сестеръ.

— Бѣдная мамочка!.. всхлипывала Женя.—Милая бабушка!

— Что теперь съ нами будетъ?.. шептала сквозь слезы Маргарита.—Что, если на насъ здѣсь нападутъ индѣйцы и сѣдятъ насъ?

И она съ опаской поглядѣла на свои толстыя, красныя отъ загара ноги.

Затѣмъ усталость и душевная разбитость овладѣли всѣми, дѣти зарылись отъ вечерней сырости въ траву и тревожно заснули.

Была поздняя ночь, ярко свѣтила луна и въ томъ мѣстѣ, гдѣ она отражалась въ тихой поверхности моря, было похоже на расплавленное золото. Дѣти крѣпко спали, прижавшись одинъ къ другому, какъ птички въ гнѣздѣ. Какъ вдругъ рѣзкій, пронзительный крикъ разбудилъ всю компанію. Всѣ вскочили на ноги.

— Что такое? спросили они въ испугѣ.—Что случилось?

Стали считать и оказалось, что Вани не хватало. У всѣхъ замерли сердечки. Значить, кричалъ онъ! Костя и Вася тотчасъ-же бросились его искать и нашли его всего въ слезахъ. Когда его привели и засыпали вопросами, то оказалось, что онъ ходилъ на море пить, и ракъ вцѣпился ему въ ногу.

— Ой-ой-ой! кричалъ.—Какъ это больно!

— Это тебя Богъ наказалъ!

серьезно сказала Нина. — Развѣ можно пить морскую воду? Вѣдь Они проснулись, когда солнце поднялось уже высоко. Пробужде-

Доброе утро!

она противная и отъ нея можно заболѣть!

Ваня не отвѣтилъ и всѣ опять улеглись спать.

нѣ ихъ было печально. Мишутка оралъ уже во все горло и требовалъ къ себѣ няню и молока. Цѣлый рядъ вздоховъ отвѣтилъ на

это его напоминаніе о молокѣ и о домашнемъ очагѣ, гдѣ было такъ уютно и безопасно. Маргарита вспомнила, что вчера вечеромъ, несмотря на данное мамѣ обѣщаніе, позабыли помолиться. Всѣ сейчасъ-же сознались въ этомъ и тутъ-же, на этомъ уныломъ, пустынномъ островкѣ, опустились на колѣни и стали горячо молиться.

А время все шло и шло. Наступилъ горячій, южный полдень. На самомъ выдакшемся пунктѣ островка Костя и Вася воткнули багоръ съ платкомъ, но все равно ихъ не замѣтилъ никто: ни одного паруса на горизонтѣ не показывалось. Томительно мучила жажда. Языки у всѣхъ побѣлѣли и пересохло въ горлѣ. Положеніе дѣла-

Т и ш ь.

— Боженька, выручи насъ изъ бѣды! шептала Нина. — Господи, спаси насъ!..

Это было просто и выразительно, только пришлось два раза поправить Мишутку, который все крестился лѣвой рукой. Послѣ молитвы какъ-будто у всѣхъ полегчало на душѣ, и появилась надежда. А затѣмъ опять все пошло по старому: всѣмъ безумно хотѣлось ѣсть и пить и поскорѣе добраться домой.

лось затруднительнымъ и трое старшихъ дѣтей съ отчаяніемъ перешептывались о томъ, что подумаютъ ихъ матери, когда вернутся сегодня вечеромъ домой? Въ какой ужасъ придутъ онѣ, когда узнаютъ, что дѣти пропали безъ вѣсти? При этой мысли мурашки ползали у мальчиковъ по спинамъ и сотни разъ они проклинали то, что сѣли вчера въ лодку Кербалая.

Бѣдная мама! Бѣдная бабушка! Быть можетъ, она уже умерла отъ

страха и теперь бездыханная лежить на столѣ?

— Боженька, спаси насъ!.. втихомолку молился Костя.— Вынеси насъ на берегъ...

Молились потихоньку и другіе. Но голодъ и усталость сломили всѣхъ, они успокоились, притихли и, крѣпко обнявшись, заснули. Что-то ждало ихъ впереди?

А тѣмъ временемъ ихъ уже искали по всѣмъ направлѣніямъ. Ихъ хватились на берегу въ тотъ же вечеръ и по отсутствію лодки Кербалай догадались, что дѣти поѣхали кататься; перепугались, забили тревогу и отправились на поиски.

— Если они утонули, говорилъ Кербалай,—то лодку давно уже выбросило-бы на берегъ! Но ея нѣтъ нигдѣ. Значитъ, они еще живы! Они навѣрное гдѣ-нибудь на берегу или-же въ морѣ на скалѣ!

И въ то время какъ дѣти спали, какъ котятки, прижавшись одинъ къ другому и положивъ головки на грудь и спины другимъ,—вдругъ около нихъ послышался дружескій, знакомый голосъ: —

— А, вотъ гдѣ они! Наконецъ-то я ихъ нашелъ!

Они вскочили и въ удивленіи стали протирать себѣ глаза. Имъ показалось это радостнымъ сномъ. Передъ ними стоялъ Кербалай.

— Вотъ уже второй день, какъ я васъ ищу! продолжалъ татаринъ.— Ваши кухарка и няня съ

ума сошелъ. Нянька собрался уже топиться въ морѣ, а я ей говорю: погоди, няня, ходилъ къ рыбакамъ на обѣдъ; твой дѣти еще живой и гдѣ-нибудь притаился въ морѣ на скалѣ. Такъ оно и выходило!

Дѣти бросились къ татарину на шею и, какъ серьги, повисли на немъ со всѣхъ сторонъ.

— Кербалай, милый, дорогой, хорошій Кербалай! восклицали они.—Если-бы не ты, то мы всѣ погибли-бы здѣсь непременно! Дай, мы тебя всѣ поцѣлуемъ! Ты удивительный, замѣчательный человекъ!

Кербалай утиралъ рукавомъ губы и цѣловалъ каждого изъ дѣтей отдѣльно. Его обнимали, пожимали ему руки, онъ не зналъ, какъ еще отвѣтить на ласки дѣтей, и тоже сталъ плакать.

— Если-бы я васъ не нашелъ, сказалъ онъ всхлипывая,—то я плачалъ-бы, плачалъ-бы и... издохъ. Такой хорошій дѣти — и вдругъ утонулъ!

И когда успокоились немного Робинзоны и отхлынулъ первый порывъ радости, то Кербалай схватилъ на руки маленькаго Мишутку и повернулъ съ нимъ къ лодкѣ.

— Ну, сказалъ онъ,—теперь пора! Садитесь въ фелюгу всѣ, и я васъ повезу. А то тамъ дома по васъ всѣ съ ума сошелъ!

Съ какимъ восторгомъ дѣти усѣлись въ лодку! Переѣздъ былъ короткій, попутный вѣтеръ надувалъ

парусъ и фелюга летѣла, какъ птица. Къ тому же наши Робинзоны совсѣмъ уже не такъ далеко отъѣхали отъ дома. Каменная гряда скрывала отъ нихъ берегъ, и имъ казалось, что они уѣхали уже въ Америку, а то и далѣе. У страха глаза велики. Но какъ весело они болтали дорогой, какъ подшучивали другъ надъ другомъ, какъ задорно и счастливо смѣялись! Что это былъ за веселый переѣздъ, какимъ интереснымъ и остроумнымъ казался имъ Кербалай.

— Ты душка, Кербалай! говорили дѣвочки и то и дѣло обнимали его за шею.

Онъ любилъ дѣтей, ихъ ласки трогали его за душу и онъ сидѣлъ на скамейкѣ, держался за весла и плакалъ. О, эти мягко-сердечные южане!

Но вотъ ужъ и берегъ. Завидѣвъ приближающуюся фелюгу, выбѣгаютъ изъ дома кухарка Настасья и няня. Убѣдившись, что дѣти цѣлы и невредимы, онѣ начинаютъ отъ радости выть на разные голоса. Слезы такъ ручьями и текутъ у нихъ по щекамъ. Едва дѣти выходятъ изъ лодки, какъ онѣ бросаются къ нимъ и начинаютъ ихъ обнимать.

— Ахъ, вы мои милые, дорогіе, драгоценныя! восклицаетъ нянька.—Ужъ я такъ и думала, что безъ васъ рѣшусь ума! Да что же это я дура стою, руки-то разставивъ, какъ индюшка! Пойдемте

скорѣе къ бабушкѣ, вѣдь она, сердечная, васъ ждетъ. Всю ноченьку по васъ горевала, глазоньки не смыкала, изсохла какъ лучинушка, истаяла отъ тоски, какъ воскъ!

И она повела всѣхъ Робинзоновъ въ домъ. Бабушка увидала ихъ, ахнула и стала прижимать ихъ къ себѣ.

— Бабушка! Милая! залепетали они.—Хорошая бабусенька!

А у нея слезы такъ и текли по щекамъ.

— Ну, можно-ли такъ пугать старыхъ, больныхъ людей? говорила она.—Вѣдь я вся изстрадалась душой, пока васъ нашли. Выпороть-бы васъ всѣхъ хорошенько, да некому! Вотъ погодите, приѣдутъ изъ города ваши матери, такъ я имъ нажалуюсь на васъ. Достанется вамъ тогда на орѣхи!

Но дѣти не дали ей продолжать. Они бросились къ ней съ объятіями и поцѣлуями, сбили съ нея чепецъ, растрепали ей волосы, тискали ее, а она отмахивалась отъ нихъ и говорила:—

— Довольно! Да будетъ вамъ! Да перестаньте-же наконецъ!

А самой было пріятно, что ее такъ любили дѣти и ласкали.

„А что, если бы такія ласки могли продолжаться вѣчно! думала она.—Какъ-бы хорошо жилось тогда на свѣтѣ бабушкамъ! Не надо было бы и умирать“.

Приѣхали затѣмъ изъ города обѣ мамы. Когда онѣ узнали о приключеніи съ дѣтьми, то хотѣли

было разсердиться и не смогли. Радость свиданія оказалась настолько великой, что о всѣхъ шалостяхъ было моментально забыто. Всѣ ахали, охали, расспрашивали и говорили всѣ разомъ, такъ что свѣжему человѣку даже трудно было-бы и понять, въ чемъ дѣло. Но всѣ отлично поняли и остались другъ другомъ довольны. Больше-же всѣхъ былъ доволенъ маленькій Мишутка: онъ добрался наконецъ до молока и выпилъ его сразу двѣ полныя кружки.

Выпилъ, надулся, какъ барабанъ, и заснулъ.

Впрочемъ, черезъ часъ или полтора его примѣру послѣдовали и всѣ остальные Робинзоны. Они

утомились, измучились душой и рады были, что добрались наконецъ до постелекъ. Имъ снились Кербалай, встрѣтившія ихъ на берегу няня и Настасья, затѣмъ бабушка и мамы — и даже во снѣ имъ было пріятно, что они возвратились домой и были теперь въ безопасности.

А около нихъ стояла няня и съ серьезнымъ видомъ разговаривала шопотомъ съ одной изъ мамъ:—

— Да, барыня, говорила она, — съ моремъ-то шутки плохи! Не дай Богъ чего, — такъ и въ чайномъ блюдечкѣ утонешь! Хорошо, что все обошлось такъ благополучно!

Е. Ш.

ВЪ НѢКОТОРОМЪ ЦАРСТВѢ...

СКАЗКА.

Жили-были братъ и сестра. Несмотря на свои еще дѣтскіе годы, они любили мечтать, задумываться и разговаривать о томъ, что могли обсуждать только взрослые и старики. Они не любили животныхъ, не интересовались растеніями и равнодушно относились къ людямъ. Вся жизнь ихъ проходила въ мечтахъ о томъ, что было совершенно недостижимо, и ихъ дѣтскія сердечки ужъ наполнялись гордостью и волновались желаніемъ имѣть

то, чего не имѣли миллионы другихъ людей.

— Ахъ, какъ-бы я желала быть королевой!.. часто вздыхала дѣвочка.

— А я желалъ-бы быть такимъ богатымъ, отвѣчалъ мальчикъ, — какъ никто на свѣтѣ.

И вдругъ ихъ подслушалъ Водяной. Онъ забѣжалъ впередъ, притворился больнымъ и сѣлъ у дороги: Дѣти проходили мимо него.

— Пожалуйте меня! обратился

онъ къ нимъ.—Принесите мнѣ хоть чего-нибудь поѣсть!

Но дѣти слишкомъ были заняты своимъ разговоромъ.

— Отстань, старикъ! отмахнулся отъ него мальчикъ.—Мы не подаемъ!

Тогда старикъ обратился къ дѣвочкѣ.

— Пожалѣй меня, красавица! сказалъ онъ.—Вернись домой, принеси мнѣ хоть корочку хлѣбца!

Дѣвочка съ неохотой отправилась домой. Она возвратилась съ кускомъ черстватаго хлѣба и непривѣтливо сунула старику.

— На, ѣшь! сказала она.

Старикъ едва прикоснулся къ пищѣ.

— За то, что ты была такъ добра, ко мнѣ сказалъ онъ,—я хочу, васъ обоихъ наградить. Говорите, чего-бы вы хотѣли? Я все могу для васъ исполнить!

Глаза у обоихъ засверкали.

— Я такъ-бы хотѣла быть королевой! воскликнула дѣвочка.

— А я такъ-бы хотѣлъ быть богатымъ! вздохнулъ мальчикъ.

— Хорошо, отвѣтилъ имъ старикъ.—Ты будешь богатымъ, а ты будешь со временемъ королевой, но оба вы увидите счастье лишь тогда, когда узнаете, что именно на свѣтѣ всего важнѣе и сильнѣе.

Онъ тутъ-же скрылся, а они оба въ удивленіи пошли своей дорогой.

Прошло много лѣтъ. Изъ мальчика выросъ молодой человѣкъ, а изъ дѣвочки—дѣвица.

Однажды молодой человѣкъ, все еще желая быть богатымъ, отправился искать счастья. Онъ простился съ сестрой, взялъ въ руки палку и за плечи котомку и ушелъ по дорогѣ въ столицу.

Онъ шелъ долго, цѣлые полдня, и наконецъ усталъ. Проходя лѣсомъ, онъ остановился на берегу небольшого озера и рѣшилъ здѣсь отдохнуть. Снявъ котомку, онъ привсталъ на одно колѣно и только что хотѣлъ зачерпнуть изъ озера воды и попить, какъ изъ воды высунулась чья-то лохматая лапа съ когтями, схватила его за руку и потащила за собою на дно озера. Это оказался Водяной. Молодой человѣкъ сильно испугался.

— Не бойся! обратился къ нему Водяной.—Когда-то ты хотѣлъ быть очень богатымъ. Такъ вотъ видишь,—сколько у меня здѣсь золота, серебра, жемчуга и алмазовъ! Все это теперь твое! Бери себѣ, сколько угодно, но только, знай, что ты не увидишь счастья до тѣхъ поръ, пока не узнаешь, что на свѣтѣ важнѣе и сильнѣе всего.

Юноша оглянулся и глаза его засверкали отъ радости: кругомъ него на днѣ озера, лежали слитки золота и серебра и пестрѣли драгоценные камни. Значитъ, теперь онъ уже богатъ. Давнишняя мечта его наконецъ исполнилась.

И сталъ онъ жить на днѣ озера. Отъ времени кожа на немъ позе-

ленѣла, въ его волосахъ стали расти водоросли, глаза его сдѣлались стекловидными, и ногти на рукахъ превратились въ когти. Онъ сталъ страшенъ и неузнаваемъ. По временамъ онъ вылѣзаль изъ воды на поверхность и прохидившіе мимо люди пугались его, убѣгали и набожно крестились.

— Это—Лѣшій! говорили они въ страхѣ.—Уйдемъ скорѣе отсюда!

Прошелъ мѣсяць, другой, промелькнули затѣмъ пять лѣтъ,— а бѣдный Лѣшій все еще томился на днѣ озера и все еще не зналъ, что-такое счастье на свѣтѣ. Безобразный, одинъ какъ персть во всемъ озерѣ, если не считать Водяного, онъ имѣлъ теперь все, о чемъ могъ только мечтать, онъ былъ теперь богаче всѣхъ людей на свѣтѣ, но къ чему могло послужить ему его богатство? Что онъ могъ на него купить? Сдѣлало-ли оно его счастливымъ? Одинокій, вдали отъ людей, онъ понялъ наконецъ всю суетность своихъ желаній и за единый мигъ счастья отдалъ-бы теперь все, что имѣлъ.

И онъ сталъ вылѣзать на поверхность и поджидать, когда мимо озера пройдутъ люди.

— Что на свѣтѣ всего важнѣе и сильнѣе? спрашивалъ онъ у нихъ.

Но они въ испугѣ разбѣгались въ разныя стороны и такъ онъ и оставался безъ желаннаго отвѣта. Ахъ, что-бы онъ ни отдалъ, что-

бы только узнать отвѣтъ на этотъ вопросъ!

Но кто-же ему на него отвѣтитъ?

И онъ ждалъ, ждалъ, а дни проходили за днями и съ каждымъ заходомъ солнца онъ чувствовалъ себя еще несчастнѣе, чѣмъ съ восходомъ. Его богатство стало казаться ему уже чѣмъ-то жалкимъ, ничтожнымъ и ненужнымъ, такъ какъ онъ ничего не могъ на него купить, никому не могъ его отдать, не пользовался имъ самъ и не помогаль имъ другимъ. Внутренній голосъ говорилъ ему, что на свѣтѣ было что-то другое, что-то болѣе важное и нужное, чѣмъ богатство, и что это что-то было необыкновенно просто, но онъ все еще не могъ догадаться, въ чемъ оно состояло.

— Хоть-бы кто-нибудь пришелъ сюда, мечталъ онъ—и сказалъ мнѣ, что всего важнѣе и сильнѣе на свѣтѣ?

Тою страной, гдѣ все это происходило, управлялъ старый король. Отъ перваго брака у него было два сына—принцъ Селестъ, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати и нѣжный и хрупкій принцъ Аманъ. Ему было всего только семь лѣтъ. Отецъ безъ ума любилъ ихъ обоихъ, но младшаго обожалъ, потому что онъ былъ похожъ на свою покойную мать.

Король долго тосковалъ по своей королевѣ, но время шло, и онъ наконецъ объ ней поза-

былъ. Какъ-то проѣзжалъ онъ черезъ то самое селеніе, въ которомъ жила сестра Лѣшаго. Онъ плѣнился ею и сдѣлалъ ей предложеніе. Она такъ давно уже мечтала стать королевой, что, несмотря на его преклонный возрастъ, согласилась съ радостью и скоро съ нимъ повѣнчалась. Теперь мечты ея исполнились. Гордость ея была удовлетворена. Она получила возможность властвовать надъ людьми и считать себя выше и лучше другихъ.

Къ концу того-же года у нея родился сынокъ — прелестный, курчавый мальчикъ съ голубыми глазами. Король былъ внѣ себя отъ радости. Онъ назвалъ его Джемъ.

— Приси у меня чего только хочешь, обратился онъ къ королевѣ. — Для такого мальчика я исполню все.

Но королева не сразу высказала ему свое желаніе.

— Когда-нибудь потомъ, сказала она. — Сейчасъ мнѣ не нужно ничего.

Королева не влюбилась своихъ пасынковъ съ перваго-же взгляда. Она совершенно не хотѣла быть имъ второю матерью и только занималась однимъ своимъ роднымъ сыномъ Джемомъ. Они ходили въ рваномъ платьѣ и грязные, тогда какъ Джемъ, еще лежа въ колыбели, пользовался всѣмъ богатствомъ короля, въ которомъ онъ не понималъ еще ровно ничего.

Однажды королева постучалась къ королю въ кабинетъ.

— Войди! отвѣтилъ онъ ей.

Она вошла.

— Я пришла къ тебѣ, обратилась она къ мужу, — чтобы напомнить тебѣ о твоёмъ обѣщаніи сдѣлать все, чего только я ни захочу.

Это такъ было уже давно, что онъ позабылъ, о чемъ она ему говорила. Но она напомнила ему.

— Ну, и что-же это такое? спросилъ онъ. — Чего ты хочешь?

— Я хочу, чтобы послѣ тебя царствовалъ не Селестъ, отвѣтила она, — а мой сынъ Джемъ.

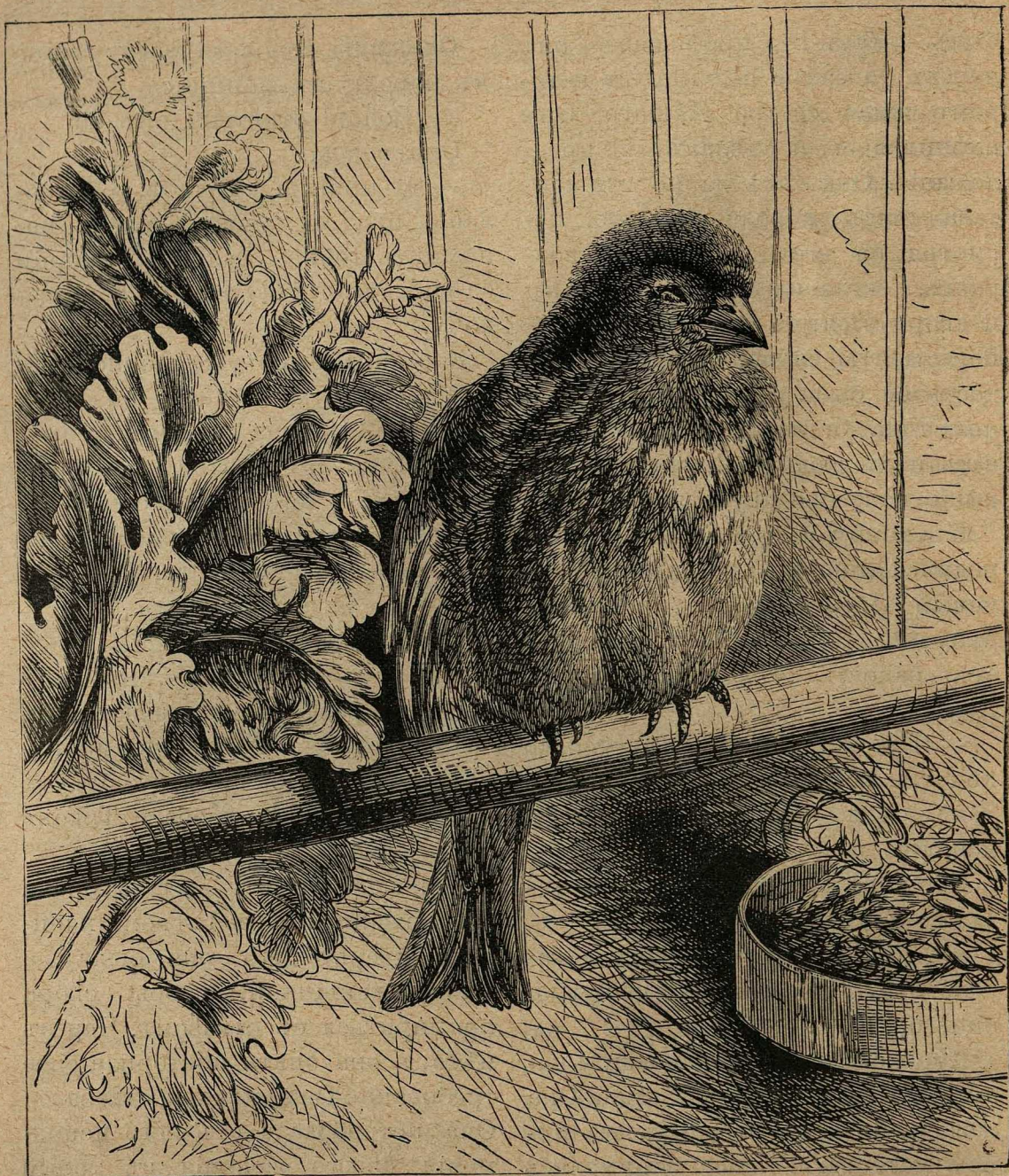
Король нахмурился.

— Это невозможно, сказалъ онъ. — Народъ уже привыкъ считать Селеста и Амана моими наслѣдниками. Послѣ меня будутъ царствовать они оба. Таковъ нашъ законъ.

Королева вышла отъ короля разсерженная и съ гнѣвомъ хлопнула дверью. Но она была не такой женщиной, чтобы скоро примириться съ отказомъ. Черезъ мѣсяць она опять повторила свое требованіе. Онъ снова ей отказалъ. Она потребовала отъ него исполненія своего желанія въ третій разъ и онъ опять ей отказалъ.

Тогда она рѣшила известить Селеста и Амана.

— Пусть лучше они погибнутъ, сказала она самой себѣ, — но только чтобы мой Джемъ сталъ впоследствии королемъ!

Въ неволѣ.

Король случайно узналъ объ этомъ и призвалъ къ себѣ сыновей.

— Я сдѣлалъ ошибку, что женился во второй разъ, сказалъ онъ

имъ.—Но дѣло уже сдѣлано и прошлаго не вернешь. Ваша мачеха можетъ причинить вамъ зло.

Бѣгите же куда-нибудь, скройтесь отъ нея до поры до времени, а

когда я умру, то возвращайтесь обратно. Народъ поддержитъ васъ и защититъ.

Селестъ и Аманъ простились съ отцомъ и безъ малѣйшаго возраженія стали собираться въ путь. Они были уже достаточно взрослыми, чтобы идти однимъ безъ провожатыхъ. Маленькому Джему было уже восемь лѣтъ. Когда они уже уходили, онъ увидалъ ихъ и побѣждалъ вслѣдъ за ними.

— Куда вы? Куда вы? спросилъ онъ ихъ.—Возьмите съ собой и меня!

Всѣ три брата очень любили другъ друга. При взглядѣ на мальчугана, оба старшіе брата взгрустнули. Какъ они будутъ жить безъ своего любимца? Какъ онъ останется безъ нихъ?

Селестъ подумалъ. Всѣ трое остановились около рѣки, протекавшей черезъ дворцовый садъ.

— Но вѣдь у тебя, Джемъ, легкія туфельки и дорогой костюмъ, сказалъ онъ.—А нашъ путь далекъ. Ты не можешь съ нами идти. Тебѣ слѣдовало-бы одѣться такъ, какъ мы: въ большіе сапоги и въ прочную, грубую одежду.

Джемъ опечалился.

— Подождите меня здѣсь! вдругъ воскликнулъ Аманъ.— Я сейчасъ вернусь.

Онъ сбѣгалъ во дворецъ и принесъ оттуда сапоги и прочную одежду.

— Переодѣвайся, Джемъ! сказалъ онъ.

Джемъ быстро переодѣлся, и они пошли уже втроемъ. Туфельки, чулки и весь роскошный костюмъ Джема такъ и остались лежать на берегу.

А когда Джема хватились и стали искать, то нашли всю его одежду на берегу. Такъ и рѣшили, что онъ сталъ купаться безъ позволенія и утонулъ. Долго искали его тѣло, но не нашли, король и королева приходили въ отчаяніе, и весь дворецъ погрузился въ трауръ.

Королева стала задумываться и чахнуть день отъ дня. Свалившееся на нее неожиданно несчастье

Въ дѣтской.

пригнуло ее къ землѣ и сломило въ ней ея гордость. Потеря горячо любимаго сына оказалась для нея невыносимой и болѣе важной и значительной, чѣмъ королевская корона и власть надъ людьми, къ которымъ она стремилась еще съ самаго ранняго дѣтства. Теперь для нея погибло все. Весь міръ со всѣми его благами потерялъ для нея всякій смыслъ, передъ ея глазами стоялъ и днѣмъ и ночью ея милый, маленькій Джемъ, и она не могла утѣшиться ни на одну минуту. Она готова была стать теперь нищей и самой ничтожной рабой самаго послѣдняго своего подданнаго, чтобы только снова увидѣть своего ребенка и прижать его къ своей груди. Материнство оказалось для нея болѣе сильнымъ и болѣе могущественнымъ, чѣмъ вся ея собственная жизнь. Она съ радостью отдала-бы себя на смерть, чтобы только былъ живъ ея маленькій Джемъ.

Но кто могъ возвратить его королевѣ? Гдѣ она могла его найти?

Какъ я несчастна! шептала она.—Господи, прости меня и защити!

А тѣмъ временемъ мальчики все шли и шли. Когда Джемъ уставалъ, то Селестъ несъ его на рукахъ, а когда Аманъ начиналъ спотыкаться, то онъ поддерживалъ его за руку. Наконецъ они пришли къ большому лѣсу, дальше котораго идти уже не могли. Усталые и разморенные они сѣли от-

дохнуть. Селестъ усталъ больше всѣхъ. Едва только добрались до лѣса, какъ онъ упалъ на траву и сталъ тяжело дышать.

— Джемъ, милый братъ, обратился онъ къ своему сводному братишкѣ,—вонъ сквозь деревья виднѣтся озеро. Пойди къ нему, освѣжись въ немъ самъ и принеси воды и мнѣ!

Джемъ отправился къ озеру и, выбравъ мѣстечко поудобнѣе, подошелъ къ водѣ и умылся. Затѣмъ онъ зачерпнулъ въ кружку воды и только что собрался нести ее къ Селесту, какъ къ его неописуемому ужасу, на поверхности озера показался зеленый, весь въ водоросляхъ, Лѣшій.

— Что на свѣтѣ важнѣе и сильнѣе всего? спросилъ онъ мальчика. Едва владѣя собой отъ страха, Джемъ поднялъ глаза кверху и подумалъ.

— Громъ, сказалъ онъ съ дѣтской простотой.—Онъ расщепляетъ вѣковые дубы, оглушаетъ своимъ грохотомъ и всѣ его боятся.

Лѣшій подплылъ къ нему и взялъ его за руку своими безобразными пальцами.

— Нѣтъ, это не то... отвѣтилъ онъ грустно.—Это не то! Громъ не приноситъ счастья человѣку.

И, подумавъ немного, онъ потащилъ Джема къ себѣ на дно.

— Пойдемъ со мной! сказалъ онъ.—Все-таки съ тобой мнѣ будетъ не такъ тоскливо!

Долго ждали Селестъ и Аманъ

возвращенія Джема и наконецъ стали безпокоиться, что онъ не приходитъ назадъ.

— Сходи за нимъ, Аманъ! обратился къ брату Селестъ.— Позови его! Что онъ тамъ дѣлаетъ такъ долго?

Аманъ побѣжалъ къ озеру и очень удивился, не найдя тамъ Джема. Онъ долго ходилъ по берегу и кликалъ его, но Джемъ не отзывался.

„Неужели онъ утонулъ?“ испугался Аманъ.

Какъ вдругъ на поверхности воды появился Лѣшій и задалъ ему все тотъ-же вопросъ:

— Что на свѣтѣ важнѣе и сильнѣе всего?

У Амана отъ страха похолодѣло подъ сердцемъ. Теперь онъ сталъ понимать, куда дѣвался маленький Джемъ. Онъ овладѣлъ собою и, боясь за свою жизнь, съ трепетомъ отвѣтилъ:

— Важнѣе и сильнѣе всего на свѣтѣ—небо. Оно держитъ на себѣ солнце и луну и миллионы звѣздъ и кромѣ того оно посылаетъ намъ дожди и вѣтеръ, которые такъ необходимы для всѣхъ живущихъ на землѣ...

— Нѣтъ, это опять не то... вздохнулъ Лѣшій. — Это не можетъ сдѣлать человека счастливымъ... Иди и ты ко мнѣ!

И онъ схватилъ за руку и Амана и потащилъ къ себѣ на дно и его.

Долго ожидалъ Селестъ возвра-

щенія своихъ братьевъ и наконецъ отправился къ озеру и самъ. Онъ пришелъ въ отчаяніе, не найдя тамъ своихъ братьевъ, сталъ ихъ кликать и, не дозвавшись, залился слезами. Вся жизнь потеряла для него смыслъ безъ братьевъ, онъ не хотѣлъ больше оставаться безъ нихъ жить и сталъ просить себѣ у Бога смерти. Но смерть не приходила къ нему и онъ не зналъ въ отчаяніи, что дѣлать.

— Аманъ! Джемъ! все еще кричалъ онъ братьямъ, а слезы такъ и катились у него по щекамъ.— Откликнитесь! Гдѣ вы?

Но они не откликались. Онъ такъ любилъ ихъ обоихъ, что готовъ былъ положить за нихъ свою жизнь.

Какъ вдругъ на поверхности озера показался Лѣшій.

— Что на свѣтѣ важнѣе и сильнѣе всего? спросилъ онъ.

Вся жизнь въ одно мгновеніе промелькнула въ головѣ у Селеста. Онъ вспомнилъ свое беззаботное дѣтство, когда еще была жива его мать, которая горячо его любила, вспомнилъ о томъ, какъ она безпокоилась, когда онъ однажды заболѣлъ, и какъ его отецъ и она любили людей и не упустили случая, чтобы сдѣлать ихъ счастливыми. Пришли ему на умъ и его братья, безъ которыхъ онъ не хотѣлъ теперь жить... И, не боясь никого и ничего на свѣтѣ, онъ съ твердымъ убѣжденіемъ отвѣтилъ:

— Сильнѣе всего—материнская

любовь, а важнѣе всего — любовь къ ближнимъ. Материнская любовь дѣлаетъ счастливыми мать и дѣтей, а любовь къ ближнимъ — дѣлаетъ счастливымъ весь міръ.

И вдругъ случилось чудо. Безобразный, зеленый нарядъ и длинные когти вдругъ спали съ Лѣшаго и онъ сразу преобразился въ человѣка. Это былъ братъ королевы — матери Джема и счастьемъ свѣтились теперь его красивые глаза. Кровь снова заструилась у него въ жилахъ, сердце его вдругъ оттаяло и весь міръ вдругъ сталъ казаться ему инымъ и полнымъ смысла.

— Да, ты правъ! воскликнулъ онъ. — Любовь къ ближнимъ дѣлаетъ счастливымъ весь міръ! Это то, чего я и сестра не понимали до сихъ поръ!

И вдругъ поверхность озера заколыхалась и изъ него высунулся самъ Водяной. Онъ вынесъ на берегъ Амана и Джема и выкинулъ три сундучка драгоценныхъ камней. Увидѣвъ братьевъ, Селестъ обрадовался такъ, что не могъ ничего говорить.

— Идите съ Богомъ домой, сказали братьямъ Водяной. — Теперь ваше дѣло сдѣлано, возьмите этотъ мой подарокъ и будьте счастливы! Дома васъ ждутъ съ нетерпѣніемъ и считаютъ минуты, когда вы воз-

вратитесь. Мать этого мальчика поняла теперь, что значитъ лишиться своего ребенка, узнала, что такое материнская любовь, и, когда вы вернетесь домой, то она будетъ самой счастливой женщиной въ мірѣ. Идите-же и живите въ мирѣ!

И онъ съ шумомъ опустился на дно озера.

Мальчики взяли за руки, братъ королевы взвалилъ на себя подарки Водяного и всѣ четверо они отправились въ городъ.

Нужно-ли говорить, что ихъ встрѣтили дома съ восторгомъ? Упомянуть-ли о томъ, что понявшая несчастье королева стала любить потомъ пасынковъ, какъ своихъ собственныхъ дѣтей? Это понятно само собой, и описанія были-бы излишними. Скажемъ только, что всѣ потомъ были счастливы, жили мирно и дружно, что братъ королевы щедрой рукой оказывалъ помощь ближнимъ и въ этомъ сталъ находить смыслъ и назначеніе жизни, — и поставимъ точку. Все хорошо, что хорошо кончается, а въ этой сказкѣ всё окончилось благополучіемъ. Вѣдь ничто не даетъ человѣку такого благополучія, какъ материнская любовь, и такого счастья, какъ забота о ближнемъ. Конецъ.

К. Тр.—

ВЪ ЧУЖОЙ СЕМЬѢ.

ПОВѢСТЬ.

Была ночь, свѣтила полная луна и расплавленной мѣдью отражалась на волнахъ океана. Дулъ сильный вѣтеръ. Всѣ пассажиры спали и въ числѣ ихъ Иванъ Яковлевичъ, который возвращался изъ далекаго путешествія обратно въ Россію. Онъ видѣлъ уже второй сонъ, когда къ нему въ каюту кто-то постучался. Онъ отворилъ ее.

— Не падайте духомъ, мосье, обратился къ нему боцманъ-французъ. — На пароходѣ сейчасъ пожаръ, шлюпки уже готовы. Одѣньтесь во все, во что только можете, потому что холодно. Пока не настанетъ утро, въ лодкахъ будетъ худо.

Иванъ Яковлевичъ испугался, но тотчасъ же овладѣлъ собой и выбѣжалъ на палубу. Онъ увидаль около двухсотъ пассажировъ, ко-

торые столпились въ одну кучу и съ ужасомъ смотрѣли въ одну сторону. Большинство были женщины, всѣ одѣтыя какъ попало и во что-нибудь. Изъ одного изъ люковъ поднимался густой столбъ ѣдкаго дыма, а изъ двухъ другихъ вырывались громадныя языки пламени. Освѣщаемая ими, линія матросовъ, качала пожарную машину и въ то же время и пароходная машина лила внизъ толстую струю воды. Громкія слова команды капитана раздавались время отъ времени надъ бѣсновавшимися волнами, которыя били въ борта парохода, точно тоже хотѣли гасить огонь. Какая-то молодая женщина въ ужасѣ носилась по палубѣ, прижимая къ груди новорожденнаго ребенка.

— Не бойтесь! крикнулъ пассажирамъ капитанъ. — Земля близко! Я всѣхъ васъ доставлю на берегъ живыми!

Но вѣтеръ относилъ ѣдкій, смрадный дымъ прямо на пассажировъ и это наводило на нихъ еще болѣе страшнѣйшій страхъ. Когда-же огонь выр-

вался наружу и изъ четвертаго люка и они слышали, какъ закрипѣли и завязжали желѣзные листы, которые стали отрывать матросы, чтобы лучше тушить огонь, то всѣ они, обезумѣвъ и потерявъ головы, кинулись къ шлюпкамъ. Помня только однихъ себя и давя другъ-друга, пассажиры стали въ нихъ усаживаться. Крикъ, визгъ, гамъ, вопли женщинъ, рыданія, отчаянные крики, мужчинъ, ревъ моря, трескъ пожара—все это слилось въ одинъ общій гулъ и навело и на Ивана Яковлевича такой ужасъ, что ноги у него задрожали и отказались служить. Онъ стоялъ, прижавшись спиной къ рубкѣ, и не могъ двинуться съ мѣста. Полными ужаса глазами онъ смотрѣлъ на всѣхъ этихъ обезумѣвшихъ людей, потерявшихъ самообладаніе и карабкавшихся на шлюпки.

И въ самый тотъ моментъ, когда онъ стоялъ такъ и не зналъ, что ему дѣлать, къ нему подбѣжала та самая женщина, которая металась взадъ и впередъ по палубѣ съ ребенкомъ на рукахъ, — и противъ его воли сунула ему этого ребенка въ руки.

— Спасите ее! сказала она ему по-французски. — Умоляю васъ! Возьмите ее и спасите! Вы—мужчина и только одинъ вы не потеряли голову. Если я погибну, то погибну только одна!

Лицо ея было искажено ужасомъ. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ

опомниться и возразить ей, она быстро сняла съ себя крестъ, на дѣла его на ребенка, и, бросившись въ толпу, скоро исчезла въ общей давкѣ.

Капитанъ успокаивалъ пассажировъ, онъ кричалъ такъ, что его могли-бы слышать даже мертвые, офицеры кричали тоже, но въ общемъ страхъ и желаніи поскорѣе спастись ихъ не слыхалъ никто, да и не могъ слышать. Кое-какъ шлюпки были наполнены и четыре изъ нихъ благополучно спущены на воду. Но когда были наполнены еще и двѣ другія, то громадный пароходъ, до этого медленно погружавшійся въ воду, вдругъ быстро сталъ идти ко дну и потащилъ за собою и ихъ. Иванъ Яковлевичъ видѣлъ, какъ на поверхности океана забарахтались люди и какъ беспомощно стали хвататься одинъ за другого, чтобы не утонуть. Онъ видѣлъ и эту несчастную мать, которая вручила ему своего ребенка. Она протягивала къ нему свои руки, билась въ водѣ и затѣмъ, уставъ бороться съ волнами, стала идти ко дну. Одинъ только разъ, собравъ послѣднія силы, она вынырнула изъ воды и крикнула своему ребенку:

— Прощай, Мари!

И больше ея ужъ онъ не видѣлъ.

Онъ все еще стоялъ у рубки съ ребенкомъ въ рукахъ и не зналъ, что дѣлать. Вода доходила ему

уже до волнъ и не пройдетъ еще и пяти или шести минутъ, какъ и его постигнетъ та-же участь. И онъ тѣснѣе прижалъ къ себѣ младенца и ухватился за что-то рукою.

— Неужели-же я погибну? произошло у него въ головѣ.—Господи спаси меня, не дай мнѣ утонуть!

Онъ перевелъ глаза съ неба на море и со страхомъ посмотрѣлъ на толпу, гдѣ происходила драка за послѣднюю лодку.

— Пусть спасаются сперва женщины! вдругъ раздался около Ивана Яковлевича голосъ капитана.— Женщины и дѣти! Мужчины потомъ!

Точно вдругъ вспомнивъ въ эту минуту о себѣ, Иванъ Яковлевичъ бросился тоже къ шлюпкамъ, надеясь спастись, но тотъ-же боцманъ-французъ, который и разбудилъ его, взялъ его за руку и спокойно отвелъ на прежнее мѣсто.

— Не спѣшите къ шлюпкѣ, сказалъ онъ,— послушайте моего совѣта. Все равно погибнетъ и она. Черезъ пять минутъ надъ водою не останется даже и бортовъ парохода, но на мачтѣ наверху будетъ безопасно и сухо до утра. Мы вблизи европейскихъ береговъ. Здѣсь сравнительно неглубоко. Берите-же своего младенца и давайте взбираться сейчасъ на мачту. Я помогу вамъ!

Едва только они успѣли подняться на мачту, какъ пароходъ

совершенно погрузился въ воду, и волны наконецъ овладѣли kloкoтaвшими въ люкахъ массаами огня. Съ безопаснаго, хотя и неудобнаго, мѣста на мачтѣ Иванъ Яковлевичъ видѣлъ двѣ перегруженные пассажирами шлюпки, слышалъ, какъ шипѣла вода, соприкасаясь съ огнемъ, и съ замираниемъ сердца прислушивался къ крикамъ тонувшихъ мужчинъ и женщинъ.

Ночь показалась ему безконечно длинной, хотя прошло всего только три часа, когда на разсвѣтѣ показался другой пароходъ, шедшій той-же дорогой. Онъ замѣтилъ торчавшую изъ воды мачту и на ней боцмана и Ивана Яковлевича съ ребенкомъ и принялъ ихъ на себя.

Три недѣли спустя, Иванъ Яковлевичъ благополучно возвратился въ Россію и привезъ съ собою и маленькаго ребеночка. Онъ отдалъ его въ очень хорошій пріютъ. Такъ какъ дѣвочкѣ было болѣе четырехъ мѣсяцевъ и на ней былъ крестикъ, то ее сочли уже крещеной. Полагая, что ея мать погибла въ волнахъ, пріютскій батюшка причислилъ ее къ православной вѣрѣ и далъ ей имя Марія, такъ какъ Иванъ Яковлевичъ слышалъ, какъ сама мать, утопая, называла дѣвочку „Мари“.

Чтобы Маруся не задумывалась надъ своимъ происхожденіемъ, Иванъ Яковлевичъ никогда не рассказывалъ ей о бывшемъ съ нимъ

У Крымскихъ береговъ.

На пароходѣ во время крушенія.

случаѣ на морѣ и просилъ и другихъ близкихъ къ нему лицъ тоже не поднимать въ ея присутствіи объ этомъ разговорѣ. Съ этою цѣлью онъ до поры до времени никогда не показывалъ того креста, который сняла съ себя на пароходѣ ея мать и повѣсила ей на шею.

Марусю въ пріютѣ всѣ очень любили. Она росла, преуспѣвала и наконецъ ей пошелъ уже девятый годъ. Иванъ Яковлевичъ часто навѣщалъ ее и она считала его своимъ роднымъ. Когда онъ приходилъ къ ней, то она съ радостью выбѣгала къ нему навстрѣчу и онъ всегда одѣлывалъ ее и ея товарокъ конфетами. Въ пріютѣ она не чувствовала себя чужой. Она тамъ выросла, провела безвыходно всѣ свои восемь лѣтъ, и привыкла въ своей начальницѣ видѣть мать и въ подругахъ сестеръ. Кто она и откуда она — она не знала. Ей было извѣстно, что она круглая сирота и что у нея есть Иванъ Яковлевичъ или, какъ она его называла, дядя-Ваня, который интересовался ея судьбой и часто навѣщалъ ее. Она любила его, считала дни и часы, когда увидитъ его опять, и когда онъ приходилъ къ ней и ее вызывали къ нему въ пріемную, то она съ радостнымъ визгомъ бросалась къ нему навстрѣчу и висла у него на шею.

— Здравствуй, здравствуй, Маруся! говорилъ онъ ей и ласково поправлялъ на ней непослушные черные волосы.

Въ лицѣ у Маруси было что-то не русское. Черные волосы и глаза, смуглое лицо и самая манера говорить доказывали то, что въ ней текла иностранная кровь. По видимому, о ней что-то знала начальница пріюта, потому что иногда она прижимала ее къ себѣ и, когда не было никого вблизи, цѣловала ее и говорила:

— Ахъ, ты моя сиротка бѣдная! И какъ это тебя спасъ Господь?

Маруся спрашивала ее, отъ чего именно спасъ ее Господь, но она тотчасъ-же спохватывалась и отстраняла ее отъ себя.

— Иди, иди, бѣгай! говорила она.— Это я такъ!

Дядя-Ваня былъ одиночекъ.

Кромѣ замужней сестры Антонины Яковлевны, которая жила съ мужемъ и дѣтьми отдѣльно, у него не было никого родныхъ и близкихъ во всемъ свѣтѣ, онъ жилъ одинъ, гдѣ-то служилъ, иногда просиживалъ за работой по нѣсколькимъ ночей подрядъ, часто хворалъ, но никто никогда не слыхалъ, чтобы онъ жаловался на свою судьбу или даже былъ печаленъ. Онъ любилъ путешествовать. Каждое лѣто онъ уѣзжалъ куда-нибудь очень далеко и возвращался только къ осени. Онъ былъ и въ Америкѣ, и въ Индіи и на Канарскихъ островахъ и описанная выше катастрофа случилась именно тогда, когда онъ возвращался съ этихъ острововъ

и уже находился невдалекѣ отъ береговъ Франціи.

У Антонины Яковлевны было пятеро человекъ дѣтей: два мальчика—Ника и Боря и три дѣвочки—Надя, Соня и Кирочка. Каждую весну, когда наступало время выѣзжать на дачу, Антонина Яковлевна просто выбивалась изъ силъ. Всѣ дачи подъ городомъ были дороги и неудобны, къ тому-же всегда было трудно захватить лучшую изъ нихъ и часто приходилось жить цѣлое лѣто безъ воды и безъ лѣса. Антонина Яковлевна посоветовалась съ мужемъ и они рѣшили уѣхать на дачу куда-нибудь очень далеко, хоть за пятьсотъ верстъ, но только, чтобы дача обладала всѣми удобствами: имѣла-бы садъ, стояла-бы при озерѣ или при рѣкѣ и находилась-бы въ лѣсистой мѣстности, чтобы можно было дѣтямъ собирать грибы. И вотъ они стали каждый день просматривать объявленія о дачахъ въ газетахъ, и вдругъ наткнулись на подходящія условія. Они послали владѣльцамъ сдаваемой усадьбы телеграмму, что оставляютъ ее на лѣто за собой, и тотчасъ-же послѣ Пасхи двинулись туда изъ Москвы, чтобы прожить тамъ вплоть до самого сентября.

Усадьба превысила ихъ ожиданія. Домъ оказался громаднымъ, съ массой комнатъ, а окружающій его паркъ—величественнымъ и стариннымъ. Въ ясную погоду дѣ-

ти могли цѣлые дни проводить на воздухѣ, а въ дождь имъ было весело бѣгать по громадной залѣ съ колоннами и съ хорами, на которыхъ когда-то играли музыканты. Когда-то давно, еще въ прошломъ столѣтіи въ этомъ домѣ, говорятъ, останавливалась по пути въ Крымъ, императрица Екатерина и задавались его владѣльцемъ такіе балы, на которые съѣзжались гости съ трехъ сосѣднихъ губерній, а теперь это былъ простой домъ, запущенный и давно уже требовавшій поправки; его новые владѣльцы стали сдавать его уже по газетнымъ объявленіямъ внаймы подъ дачу, будучи не въ состояніи поддерживать его въ прежнемъ величіи.

Какъ только Антонина Яковлевна переѣхала съ дѣтьми на дачу, такъ тотчасъ-же написала своему брату письмо, въ которомъ расхваливала ему и мѣстность, и усадьбу, и то приволье, какого дѣти не испытывали до сихъ поръ еще никогда. Иванъ Яковлевичъ тотчасъ-же ей отвѣтилъ. Онъ поздравлялъ ее съ удачей и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ ее взять къ себѣ на лѣто изъ пріюта и его воспитанницу Марусю.

„Этимъ лѣтомъ ей исполнится девять лѣтъ, писалъ онъ.—День, въ который она родилась, не знаетъ никто, но мы условились считать его 12-го іюля, то есть въ то самое число, когда случилась катастрофа съ пароходомъ. Ты

сдѣлала-бы мнѣ, сестра, большое одолженіе, если-бы разрѣшила привезти Марусю къ тебѣ, чтобы она имѣла возможность подружиться съ твоими дѣтьми и поправиться на деревенскомъ воздухѣ. Всѣ эти восемь лѣтъ, какъ ты знаешь, она безвыѣздно провела въ городѣ въ своемъ пріютѣ“.

Антонина Яковлевна отвѣтила согласіемъ и кромѣ того пригласила къ себѣ гостить и самого Ивана Яковлевича.

— Онъ тоже слабъ здоровьемъ, сказала она себѣ,—и нуждается въ чистомъ воздухѣ. Къ тому-же ему не удалось поѣхать этимъ лѣтомъ за-границу!

Не прошло и недѣли, какъ дядя-Ваня явился въ пріютъ, и вслѣдъ затѣмъ начальница собрала все бѣлье Маруси, уложила ее платица, дала ей пирожковъ въ дорогу и съ одной изъ пріютскихъ женщинъ, очень похожей на монахиню, отправила ее къ Антонинѣ Яковлевнѣ на дачу въ Бочаново.

Вся семья встрѣтила дѣвочку очень радушно; дѣти, отличавшіяся вообще рѣдкою задушевностью, старались наперерывъ сдѣлать для нея что-нибудь пріятное; съ своей стороны и Маруся, нѣсколько дичившаяся всѣхъ въ первые дни, скоро свыклась со своимъ новымъ положеніемъ и искреннею привязанностью отвѣтила на ихъ расположение. Скоро она стала бѣгать съ дѣтьми такъ, точно была

ихъ родной сестрой, и никто со стороны и не сказалъ-бы, что она была въ семьѣ чужая. И видя, какъ она радостно бѣгала и смѣялась, Антонина Яковлевна иногда глубоко вздыхала и съ печалью въ голосѣ говорила:

— Бѣдняжка, она и не сознаетъ своего одиночества!..

Но Маруся вполне сознавала. Ей шелъ уже девятый годъ, и она понимала всю тяжесть своего сиротства. Не проходило дня, чтобы она глубоко не вздыхала. Глядя вокругъ себя на другихъ дѣтей, она не могла не замѣчать, что у нихъ были матери и отцы, она читала въ дѣтскихъ книжкахъ про нѣжныя семьи, въ которыхъ матери ласкали своихъ дѣтей, смутно чувствовала, что ей не достаетъ матери и что въ ея судьбѣ есть что-то такое, чего нѣтъ въ судьбѣ другихъ дѣтей, съ которыми она встрѣчалась или о которыхъ читала. И стоило ей только услышать, какъ другія дѣвочки заговаривали о своихъ матеряхъ, какъ ея губы подергивались и на глазахъ появлялись слезы. По вечерамъ, когда она укладывалась спать и оставалась наединѣ съ самой собою, она укрывалась одѣяломъ съ головой и въ молчаніи ночи старалась вообразить себѣ возможные образы своихъ матери и отца. Часто она плакала по ночамъ, но никто ее не слышалъ и никто не видѣлъ, какъ она вставала на постели на ко-

Танцы.

лѣнки и, сложивъ обѣ ручки вмѣстѣ, горячо молилась:

— Боженька, пошли мнѣ маму!..

Всѣ относились къ ней въ усадьбѣ съ расположеніемъ, но она сознавала, что она для всѣхъ чужая и не сестра дѣтямъ, съ которыми играла. Она чувствовала себя одинокой и въ Бочановѣ, хотя и старалась не подавать въ этомъ вида. Какъ и всѣ другія дѣти, она старалась входить во всѣ подробности домашней жизни, и теперь, когда наступалъ день ея рожденія и всѣ въ Бочановѣ только и говорили о томъ, что къ этому дню пріѣдетъ и Иванъ Яковлевичъ, она суежилась, хлопотала на кухнѣ и помогала кухаркѣ и Антонинѣ Яковлевнѣ сдѣлать то одно, то другое, и ея смуглыя щеки отъ волненія пылали румянцемъ.

„Скоро пріѣдетъ сюда дядя-Ваня“... шептала она.— „Скоро онъ будетъ здѣсь и я его увижу“.

И ея сердечко радостно замирало и она заранѣе уже обдумывала, какъ его встрѣтить, гдѣ его посадить, куда поведетъ его гулять и что ему расскажетъ.

А въ это время всѣ въ усадьбѣ говорили:

— Ну, ужъ и дѣвочка!.. И пошлетъ-же Господь на свѣтъ такую!.. Недаромъ-же изъ всѣхъ пассажировъ на пароходѣ спаслась только она одна! Баринъ Иванъ Яковлевичъ и она. А остальные всѣ, говорятъ, потонули!

Но это говорилось тайкомъ отъ Маруси. О гибели парохода она еще не знала ничего.

М. Б—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГОЛОВОЛОМКИ.

I

Даны три гласныя буквы.

—А.—А.—А.

Поставить передъ каждой изъ нихъ, на мѣстѣ черточекъ, по согласной буквѣ, такъ, чтобы вышло названіе губернскаго города. Изъ сопоставленія вмѣстѣ всѣхъ этихъ буквъ могутъ получиться слова: рама, масса и мама.

Какой это городъ?

II

Почему при изверженіи Везувія вытекающая изъ его кратера лава добѣгаетъ иногда до самаго моря?

III

Если взять 1) первый слогъ того, что находится на крышѣ, 2) нижнюю часть сундука и вообще всякаго сосуда, 3) вторую ноту, 4) то, что женщины надѣваютъ

себѣ на шею, 5) первую цифру, когда начинаемъ считать, 6) животныхъ, которыя пресмыкаются и 7) послѣдній слогъ того, на чемъ спятъ, — то получится цѣлая фраза.

Какая это фраза? что она означаетъ?

IV

Задуманы три слова:

- 1., н — — — = часть тѣла человѣка, животнаго и насѣкомаго.
- 2., в — — — = то, что дѣлаетъ одежду теплой.
- 3., г — — — = возвышеніе на земной корѣ.

Отгадать эти слова; взять отъ cadaго изъ нихъ первую и послѣднюю буквы и изъ полученныхъ трехъ слоговъ составить новое слово, означающее рыбу, водящуюся въ сѣверныхъ водахъ.

Какая это рыба.

Рѣшеніе ребуса № 19, помѣщеннаго въ № 19 „Золотою Дѣтства“: Ми + моторъ + гов + лица + ха + ромъ + ш + лира + б + очи + е = Мимо торговли сахаромъ шли рабочіе.

Вѣрныя рѣшенія прислали: М. и К. Ковалевы, К. и В. Валерьяновы, Н. Геннигъ, В. Кировъ, Н. Ильинская, А. и К. Кеворковы, С. и М. Гавриловы, Н. Плавская, В. Лопатинъ, Л. Крюковъ, С. Лацкиъ, З. Свиридова, С. Воловикъ, В. Заблудовская, М. фонъ-Шульцъ, С. Ащеуловъ, О. и Т. Казмировичи, Т. Каледина, К. Кудрявцевъ, А. Русисъ, К. Крыловъ, Т. А. и М. Измайловы, В. Гемуть, В. Людкевичъ, Т. Израилитинъ, Ш. Бѣльченко и В. Романовичъ, В. Ситникова, К. и Г. Чернышевы, З. Эрнштейнъ, П. Горшковъ, Т. и П. Герасимовы, М. и Н. Паремусовы, С., Ж. и В. Кряквины, М. и О. Сыромяткины, О. Машверъ, В. Софроновъ, Л. и Г. Растеряевы, К. Краузъ, С., К. Л. и В. Смир-

новы, С. Журавскій, В. Борисовъ, В. Гейстардъ, В. Селедкинъ, С. Весельчакъ, Маня Свистулькина, М. Дунаевскій, Н. Старова, Кавказцы К. и Л. Алексѣевы, Н. Элентухъ, В. и К. Крыловы, Зоя Нико, Ш. Обротневъ, Вава и Ляля А., М. Шавердова, В. Марницкій, М., К. и В. Клоковы, С. Стригинъ, Ф. Царенко, Б., М. и Н. Одинцовы, и В. Менжинскій, В. Бородинъ, Л. и Г. Растеряевы, З. Свиридова, А. Бруновскій, В. Павловъ, К. и Г. Чернышевы, Т. Каледина, М. Тимофеева, Л. и Г. Растеряевы, Ася Ясь, Ю. Пшенская, В. Людковичъ, Г. Лазарева, В. Ю. Пшенская, М., О. и Л. Сыромяткины, О. Ванасъ, Л. Смирновъ, В. Стеллецкій, В. Ашихминъ, Л. и В. Мишурины, М. и Г. Тизенгаузены, Ксения, Полина и Варя изъ Калуги, Л. Тимирева, А. Русисъ, И. Польскій, З. Ковалевская, Н. Плавская, С. Стригинъ, Н. Матгесъ, С. Ащеуловъ, К. Гамовъ, М. Журмановъ, Г. Трепексиковъ, П. Горшковъ.

Ребусъ № 21.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки или ребусъ, будутъ напечатаны).

Редакція журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

РЕКОМЕНДУЕТЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

ДЛЯ ДѢТЕЙ:

„НАЙДЕНЫШЪ и ПОДКИДЫШЪ“ . Повѣсть съ иллюстраціями. Цѣна 40 к., съ перес. 60 к.

„АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“ . Съ иллюстраціями. Цѣна 40 к., съ перес. 60 к.

„ДРУЖОКЪ и ӨОМКА“ . Повѣсть съ иллюстраціями. Цѣна 40 к. съ перес. 60 коп.

За всѣ три книги вмѣстѣ — 1 руб. 60 коп. съ пересылкой.

Выписывать можно **открытымъ письмомъ** изъ Редакціи журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

Петроградъ, Каменноостровскій пр., 26.

Годъ восьмой.

художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе „Золотого Дѣтства“.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 12** КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.
- 12** ИГРЪ для дѣтей.
- 24** ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (домики, зетоматы, мебель, экипажи и проч. и проч.),

О С О Б О Е П Р И Л О Ж Е Н І Е:

Книга съ иллюстраціями:

„ВЪ НЕВОЛѢ“.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена къ выпискѣ въ ученическія бібліотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. 80 к.

Адресъ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство»: Петроградъ, Каменноостровский проспектъ, 26.

3 р. 80 к.

Редакторъ—Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

За перемѣну адреса 28 копѣекъ почтовыми марками.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

**ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ:
«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО»**

за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 руб. 65 к. за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по раостоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказѣ по 45 коп. за экземпляръ въ переплетѣ и безъ переплета).

**МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ
ИЗЪ РЕДАКЦІИ «ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО».**

Петроградъ, Каменноостровский просп., 26.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПЕТРОГРАДА.

